Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова

Философский факультет

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АЛЬМАНАХ

Выпуск 4

Москва 2012

УДК 1 (091)
ББК 87.3 (0)
И 902

Издание философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Редакционная коллегия:
Васильев В.В. (главный редактор), *Маслин М.А.* (соредактор), *Бугай Д.В.* (ученый секретарь), *Козырев А.П., Селиванов Ю.Р., Шишков А.М.*

Рецензенты:
д.ф.н. *Соколов В.В.*, д.ф.н. *Грехнев В.С.*

Историко-философский альманах: Выпуск 4. — М., 2012. — 262 с.

В настоящем выпуске Историко-философского альманаха представлены статьи и переводы, посвященные изучению различных периодов истории философии от античности до наших дней. Общетеоретический контекст альманаха задается постановкой проблемы определения сущности философии через слово. Исследования по философии Древнего Востока представлены статьей, анализирующей полемику видного представителя ведантийской философии Шанкары с мыслителями Санкхьи. В работах по античной и средневековой философии обсуждаются проблемы онтологии и генологии платоновского «Филеба», возникновения Corporis Plotini и его дальнейшей рецепции в Средние Века и Новое Время, аналитики темпоральности в неоплатонических комментариях к Аристотелю, а также исследования по философии Древнего Рима и позднего Средневековья. В разделе «Философия Нового Времени» впервые дан перевод на русский язык эссе Дж. Беркли «О духовном притяжении». Также дан новый анализ проблемы идеализма у «раннего» Канта и очерк философских взглядов представителя французского спиритуализма XIX века Теодора Жуфруа. В разделе «Современная философия» представлены исследования, посвященные Герберту Риду, Уилфриду Селларсу, Хилари Патнэму, а также статьи современных американских философов, написанные специально для Историко-философского альманаха. В разделе «Русская философия» публикуются статьи, посвященные различным проблемам истории отечественной философии, идеологии и истории науки.

УДК 1 (091)
ББК 87.3 (0)
И 902

СОДЕРЖАНИЕ

Миронов В.В.
Философия и слово 5

Восточная философия

Пастухова Э.Р.
Спор Шанкары и «санкхьяика»: два взгляда на природу сущего 21

Античная и средневековая философия

Ощепков И.В.
«Дар богов» в «Филебе»: Три вопроса о Едином и Многом [15a-16c] 29

Бугай Д.В.
О сочинениях, античных комментариях,
рукописях, изданиях и переводах Плотина 46

Гарнцев М.А.
Симпликий об аристотелевской трактовке времени и «теперь» 71

Симпликий
Комментарий к «Физике» Аристотеля (подборка фрагментов) 81

Титаренко И.Н.
Философия и поэзия в Древнем Риме: опыт взаимодействия 86

Шишков А.М.
Жан Жерсон как проводник в новую эпоху 105

Философия Нового времени

Беседин А.П.
Предисловие к переводу эссе Дж. Беркли «О духовном притяжении» 119

Беркли Дж.
О духовном притяжении 123

Васильева М.Ю.
Проблема идеализма в ранних работах Иммануила Канта 126

Кротов А.А.
Моральная философия Теодора Жуфруа 137

Современная философия

Кедрова М.О.
Проблема символического в философии искусства Герберта Рида 145

Герберт Рид
Современная эпоха в искусстве 154

Селиванов Ю.Р.
«Миф о Данном». Гегельянские размышления Уилфрида Селларса 176

Robert Howell
American Philosophy Now: One Contemporary Life 200
A Life in Philosophy—Talk at MGU
Department of History of World Philosophy 2.iv.10 210

Брэд Армор-Гарб
Минималистичная Теория Истины 220

Логинов Е.В.
Хилари Патнэм: пролегомены к биографии 224

Русская философия

Васильев В.В.
Так кто же был автором «Наблюдений о человеческом духе»? 231

Розова Е.О.
В. Н. Ильин и евразийское течение 234

Шишков А.М.
Роль В.П. Зубова в возрождении отечественной медиевистики 246

Зубов В.П.
История науки и биография ученых 251

Гарнцев М.А.

СИМПЛИКИЙ ОБ АРИСТОТЕЛЕВСКОЙ ТРАКТОВКЕ ВРЕМЕНИ И «ТЕПЕРЬ»

Симпликий родился в Киликии (Малая Азия) ок. 490 года н.э. Сначала он изучал философию в Александрии у Аммония, сына Гермия и ученика Прокла, а потом решил связать свою философскую судьбу с главой афинской философской школы Дамаскием. Другим учеником Аммония был Иоанн Филопон, впоследствии выступивший с резкими нападками сначала на учение Прокла о вечности мира, а затем и на аналогичное учение Аристотеля. Симпликий, к тому времени ставший правой рукой Дамаския, подверг всесторонней критике «Contra Aristotelem» Филопона в первой книге своего комментария к трактату «О небе»[1] и в восьмой книге комментария к «Физике». В комментарии к первой книги «De caelo» Симпликий признается, что он не движим личной неприязнью к Филопону и к тому же не знает, «видел ли он его когда-либо» (*In De caelo*, 26, 19 Heiberg). Это позволяет предположить, что отъезд Симпликия в Афины состоялся ранее 517 года, в противном случае, поскольку именно в этом году Филопон преподавал философию в Александрии и издавал курсы Аммония, знакомство его с Симпликием стало бы неизбежным[2].

Вопрос о доктринальных различиях между афинской и александрийской школами позднеантичного неоплатонизма заслуживает отдельного рассмотрения (особенно учитывая критику, которой была подвергнута позиция Прехтера со стороны Ильзетраут Адо и других ученых). При этом нужно осторожнее относиться к выводам И. Адо о не допускавшейся Прехтером гомогенности (l'homogénéité) философских систем афинян и александрийцев, не исключающей расхождений

---

[1] В ряде манускриптов автором первой книги этого комментария назван Дамаский. Тем не менее, учитывая многочисленные выпады Симпликия против Иоанна Филопона, содержащиеся в этой книге, позволительно предположить, что Симпликий, имевший на руках курс Дамаския, значительно переделал его и стал, по меньшей мере, соавтором дошедшего до нас варианта.

[2] Ильзетраут Адо предполагает, что Симпликий покинул Александрию ранее 517 года (*Hadot I.* Le problème du néoplatonisme alexandrin: Hiéroclès et Simplicius. Paris: Études Augustiniennes, 1978. P. 25). П. Голитсис датирует переезд Симпликия приблизительно 510 годом (*Golitsis P.* Les commentaires de Simplicius et de Jean Philopon à la *Physique* d'Aristote. Tradition et Innovation. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2008. P. 7), что выглядит не слишком убедительно. Вероятно, Симпликий отправился в Афины около 515 года, когда Дамаский стал там главой неоплатонической философской школы.

в деталях[3]. Если считать деталью поразительную частоту использования афинянами «Халдейских оракулов» — любимого текста Ямвлиха, то, конечно, можно бы было вспомнить, что и Гиерокл Александрийский не посрамил своего учителя Плутарха Афинского и, по сообщению патриарха Фотия, написал сочинение «О промысле и роке», в четвертой книге которого вознамерился «так называемые Оракулы и иератические законы привести к согласию с учениями Платона»[4]. Но для александрийцев это было скорее исключением, чем правилом.

Ямвлих же и его теургические нововведения буквально довлели над афинской неоплатонической школой. Поскольку одними из главных последователей Ямвлиха были Сопатр Апамейский и соученик последнего Эдесий Каппадокийский, основавший пергамскую школу, нетрудно восстановить историческую зависимость афинской школы времен Плутарха Афинского и Сириана от сирийской и пергамской школ неоплатонизма. Ученик Эдесия Приск и внук Сопатра Ямвлих Младший, проживавшие в Афинах в последней четверти IV века, и стали «надежным звеном (le chaînon solide)» между Ямвлихом и Плутархом Афинским[5]. А ведь Карл Прехтер, в начале XX столетия приложивший немало усилий для доказательства совершенно особого влияния Ямвлиха на поздний афинский неоплатонизм, лишь догадывался о связующих школу Ямвлиха с афинской неоплатонической школой «неизвестных нам промежуточных звеньях (uns unbekannte Zwischenglieder)»[6].

Нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что александрийская школа финансировалась в значительной мере из городской казны, что вынуждало главу школы (скажем, Аммония, сына Гермия) быть «учтивым» с церковными властями. Афинская же школа, возрожденная Плутархом Афинским в его доме и со временем получившая щедрое наследство от отца Плутарха Нестория, была частной философской школой, которой благочестивые слушатели-язычники завещали немалые средства и пик материального благополучия которой пришелся на времена, когда ее главой был Прокл[7]. История поздней неоплатонической школы в Афинах, конечно же, неразрывно связана с именем Плутарха. По свидетельству лексикона Суда, «Плутарх — сын Нестория, афинянин, философ, учитель Сириана, ставшего наставником Прокла Ликийского, главы философской школы в Афинах»[8]. Но из того, что Сириан, Прокл или Дамаский, именовавшиеся

---

[3] *Hadot I.* Introduction générale // Simplicius. Commentaire sur le *Manuel* d'Épictète. Introduction et édition critique du texte grec par I. Hadot. Leiden; New York; Köln: E.J.Brill, 1996. P. 69.

[4] *Photius.* Bibliothèque. T. 3 / Texte établi et traduit par R. Henry. Paris: Les Belles Lettres, 1962. Codex 214. P. 129, 13–15.

[5] См.: *Saffrey H.D., Westerink L.G.* Introduction // Proclus. Théologie platonicienne. T.1. Livre 1/ Texte établi et traduit par H.D.Saffrey et L.G.Westerink. Paris: Les Belles Lettres, 2003. P. XLVII.

[6] *Praechter K.* Richtungen und Schulen im Neuplatonismus // Id. Kleine Schriften / Herausgegeben von H. Dörrie. Hildesheim; New York: Georg Olms Verlag, 1973. S. 181.

[7] См.: *Damascius.* The Philosophical History / Text with Translation and Notes by P. Athanassiadi. Athens: Apamea Cultural Association, 1999. § 102.

[8] См.: *Taormina D. P.* Plutarco di Atene: L'Uno, l'Anima, le Forme. Saggio introduttivo, Fonti, Traduzione e Commento. Catania: Università di Catania, 1989. Fonte 1.

«платоновскими диадохами», считали себя подлинными наследниками мысли Платона, вовсе не следовало, что их школа была «исторической и юридической наследницей Академии»[9].

К сожалению, после смерти Прокла (485 г.) главами философской школы в Афинах становились довольно посредственные и маловлиятельные люди, что привело к падению авторитета этой школы. Став диадохом около 515 г., амбициозный Дамаский попытался вернуть ей утраченный авторитет. Более того, будучи бескомпромиссным противником христианства[10], Дамаский вступил в открытый конфликт с «оппортунистически» настроенным Аммонием, сыном Гермия, обвинив его в корыстолюбии и в соглашательстве «с тогдашним надзирателем господствующей доктрины (*πρὸς τὸν ἐπισκοποῦντα τηνικαῦτα τὴν κρατοῦσαν δόξαν*)»[11].

Приблизительно в это время Симпликий, расставшись со своим прежним учителем Аммонием, перебирается в Афины к новому учителю Дамаскию, который хотя некогда и слушал курсы Аммония в Александрии, все-таки избрал своим наставником и примером для подражания Исидора. В известной работе "Richtungen und Schulen im Neuplatonismus" Карл Прехтер, относя Симпликия к афинской школе неоплатонизма, замечает: «Он [Симпликий] был учеником александрийца Аммония, равно как и афинянина Дамаския, и это проявляется в определенной двойной позиции»[12]. Замечание Прехтера — хладнокровная констатация факта, которой скрадывается напряженность решающего выбора, связывавшего верность новому учителю и канонам афинской школы с непростой жизнью в условиях враждебной идеологической среды. Но только Дамаский мог дать Симпликию уроки метафизической апоретики, нашедшей непревзойденное выражение в трактате «О первых началах» и в «Комментарии к "Пармениду" Платона». По возрасту Дамаский годился Симпликию в отцы, но что гораздо важнее, он сумел стать для Симпликия и подлинным духовным отцом, и незаменимым помощником в приобщении к глубинным праосновам философии.

---

[9] *Taormina D.P.* Op.cit. P. 50. К. Луна и А.-Ф. Сегон высказывают обоснованное мнение о том, что «используя этот титул [диадоха], Прокл не претендовал на то, чтобы выступать прямым наследником Платона, ибо он вполне сознавал прерывания в этой традиции» (*Proclus.* Commentaire sur le *Parménide* de Platon. T.1, 2e partie. Livre 1 / Texte établi, traduit et annoté par C. Luna et A.-Ph. Segonds. Paris: Les Belles Lettres, 2007. P. 164).

[10] При этом Дамаский не скупился на инвективы против христиан, нацеленных на публичную дискредитацию сакральных символов языческой религиозности и философии. Он пишет: «уже некоторые из тех, у кого изуродованы уши (*τῶν τὰ ὦτα κατεαγότων*) (аналогичным оборотом Платон описывал последствия кулачных боев, широко распространенных у спартанцев (Gorg. 515e8 Dodds; Prot. 342b8 Burnet). – *М.Г.*) и извращены умы, обратили в комедию и сделали большим посмешищем тайные учения философии» (*Damascius.* The Philosophical History § 58A Athanassiadi).

[11] *Damascius.* The Philosophical History § 118 B Athanassiadi. В приведенном в скобках древнегреческом обороте содержится довольно прозрачный намек на христианского епископа.

[12] *Praechter K.* Richtungen und Schulen im Neuplatonismus // Id. Kleine Schriften / Herausgegeben von H. Dörrie. Hildesheim; New York: Georg Olms Verlag, 1973. S. 215.

Развитию частной философской школы Дамаския помешал целый ряд различных обстоятельств, которые и привели к печальной развязке 22 сентября 529 года, когда во исполнение эдикта императора Юстиниана школа была закрыта[13]. Закрытие философской неоплатонической школы, возглавлявшейся Дамаскием, многими почтенными исследователями вплоть до нашего времени было ошибочно расценено как закрытие афинской Академии[14]. Но, в конце концов, «человеку свойственно ошибаться». А что было потом? Как относится к рассказам о вояже семи философов-неоплатоников к персидскому царю Хосрову в конце 531 года? Агафий Миринейский повествует о пребывании Дамаския, Симпликия и пяти их компаньонов в Персии и о мирном договоре, заключенном в конце 532 года между Юстинианом и Хосровом и предполагавшем помимо прочего и «поблажки» для опальных философов касательно их права не изменять убеждения и свободно выбирать место жительства (Agathias. Hist.II. 30, 3–31, 8. Keydell). Однако Агафий ни словом не обмолвился о том, где же предпочли поселиться философы[15].

---

[13] В «Хронографии» Иоанна Малалы содержится резюме эдикта: «(...) император, издав эдикт, послал его в Афины, предписав, чтобы никто не учил философии и не истолковывал астрономию (...)(*ὁ αὐτὸς βασιλεὺς θεσπίσας πρόσταξιν ἔπεμψεν ἐν Ἀθήναις, κελεύσας μηδένα διδάσκειν φιλοσοφίαν μήτε ἀστρονομίαν ἐξηγεῖσθαι*)»(Ioannis Malalae Chronographia (18. 47) 379, 67–69 Thurn). Подробнее об эдикте и его последствиях см.: *Watts E.* Justinian, Malalas, and the End of Athenian Philosophical Teaching in A.D. 529 // The Journal of Roman Studies. Vol. 94. 2004. P. 168–182.

[14] Первые же слова известной статьи Алана Кэмерона (1969) являлись одним из многих примеров неверного «прочтения» исторических деталей эпохального для философии события 529 года: «Даже те, кто не знает ничего больше о Юстиниане, знают, что он закрыл Академию в Афинах в 529 году н.э.» (*Cameron A.* The Last Days of the Academy at Athens // Id. Literature and Society in the Early Byzantine World. London: Variorum Reprints, 1985. XIII. P. 7).

[15] Гипотеза Тардье о проживании философов в византийском Харране близ персидской границы (см.: *Tardieu M.* Sābiens coraniques et "sābiens" de Harrān // Journal Asiatique. T. 274. 1986. P. 1–44; *Tardieu M.* Les calendriers en usage à Harrān d'après les sources arabes et le commentaire de Simplicius à la *Physique* d'Aristote // Simplicius, sa vie, son oeuvre, sa survie. Actes du colloque international de Paris (28 Sept. – 1er Oct. 1985) / Édités par I. Hadot. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1987. P. 40–57), была поддержана, например, И. Адо (см.: *Hadot I.* La vie et l'oeuvre de Simplicius d'après des sources grecques et arabes // Simplicius, sa vie, son oeuvre, sa survie. P. 3–39). Однако некоторые ученые увидели в этой гипотезе «unprovable view» (см., например: *Blumenthal H.J.* 529 and its Sequel: What Happened to the Academy? // Id. Soul and Intellect: Studies in Plotinus and Later Neoplatonism. Aldershot; Brookfield: Variorum, 1993. XVIII. P. 385). Кончетта Луна в обширной статье, формально представляющей собой рецензию на небольшую книгу (*Thiel R.* Simplikios und das Ende der neuplatonischen Schule in Athen. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1999), развертывает нелицеприятную критику всех основных аргументов Тардье в пользу тезиса о проживании Симпликия и других неоплатоников в Харране (*Luna C.* Review of: R. Thiel, Simplicius und das Ende der neuplatonischen Schule in Athen // Mnemosyne, Fourth Series. Vol. 54, Fasc 4. 2001. P. 482–504). В исправлении и улучшении этой рецензии участвовали Саффре и Сегон (*Luna C.* Art.cit. P. 504.)

Возможно, после возвращения из Персии Дамаский и Симпликий сочли самым приятным «дым отечества». И, стало быть, Симпликий отправился в Киликию, а Дамаский в Сирию[16]. Весьма важные сведения о научном сотрудничестве обоих философов обнаруживаются в «Корольларии о времени» Симпликия. «Но не эти суждения, – пишет Симпликий, – высказываемые им [Дамаскием], столь смущают меня, а скорее те, которые он, еще будучи жив, многократно (*πολλάκις*) высказывал мне, не убедив меня, а именно о том, что целокупное время существует в реальности одновременно» (Cor. de temp., 775, 31–34 Diels)[17]. Судя по всему, общение этих близких друг другу людей, даже если оно имело место спорадически, было весьма интенсивным и обоюдополезным и могло хотя бы отчасти компенсировать отсутствие более широкой слушательской аудитории, которая некогда была привычна для двух лидеров афинской неоплатонической школы.

Уже упомянутый «Корольларий о времени» Симпликия дает пищу для размышлений о философской эволюции некоторых выдающихся представителей афинской и александрийской неоплатонических школ после 529 года. Ведь, как известно, именно в 529 году представитель александрийской школы христианин Иоанн Филопон написал сочинение «Против Прокла по вопросу о вечности мира» (а позднее и трактат «Против Аристотеля»). Но сколь бы странным это ни показалось, и мыслители афинской школы, в том числе и Дамаский, были настроены по отношению к Проклу довольно критически. Хотя Симпликий затейливо называл Прокла «предводителем наших учителей» (Cor. de temp., 795, 4–5 Diels), он не мог не знать о вере Дамаския в то, что Прокл «исказил, без сомнения неосознанно, метафизику Ямвлиха»[18]. Итак, Симпликий утверждает: «Касательно приобщимого и неотделимого от становления времени он [Прокл] полагает то же самое, что и Аристотель, считая, будто Аристотель говорит, что время существует только в “теперь”. Почти все последователи Прокла вплоть до нашего времени следовали Проклу не только в этом вопросе, но и во всех прочих. Я исключаю

[16] В 1925 г. в сирийском городе Хомсе (до арабского завоевания 636 г. — Эмеса) была обнаружена датированная 849 годом Селевкидской эры (т.е. 538 г. н.э.) надгробная стела, на которой была выгравирована эпиграмма, посвященная некоей Зосиме. Эта эпиграмма соответствует эпиграмме, содержащейся в Палатинской Антологии (VII, 553) и приписанной философу Дамаскию. Герд Ван Рил считает, что, поскольку в эмесской эпиграмме повествование ведется от первого лица и, судя по всему, представляет собой изначальную версию текста, весьма вероятно, что Дамаский жил в Сирии около 538 г. (*Van Riel G.* Damascius // The Cambridge History of Philosophy in Late Antiquity. Edited by L.P. Gerson. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 2010. Vol. 2, P. 667). Однако точно установить место и время смерти Дамаския пока не представляется возможным.

[17] Исходя из этого пассажа и допуская, что Симпликий и Дамаский после персидской эпопеи могли вернуться к родным пенатам в Малой Азии, Л. Сиорванес не исключает возможность контакта между Симпликием и «его старым учителем и коллегой» (*Simplicius.* Corollaries on Place and Time / Translated by J. O. Urmson; annotated by Lucas Siorvanes.Ithaca; New York: Cornell University Press, 1992. P. 90).

[18] *Athanassiadi P.* La lutte pour l’orthodoxie dans le platonisme tardif: de Numénius à Damascius. Paris: Les Belles Lettres, 2006. P. 215.

Асклепиодота, лучшего из учеников Прокла, и нашего Дамаския, из которых один вследствие крайней одаренности испытывал удовольствие от новых учений, другой же [Дамаский] вследствие трудолюбия (*διὰ φιλοπονίαν*)[19] и симпатии к Ямвлиху не медлил с возражениями против многих из учений Прокла» (Cor. de temp., 795, 9–17 Diels).

По мнению И. Адо, все сохранившиеся комментарии Симпликия, включая его «Комментарий к "Руководству" Эпиктета»[20], написаны после 532 года[21]. Порядок написания трех основных комментариев Симпликия к Аристотелю, определяемый тем, что в последующем комментарии содержатся ссылки на предшествующий, таков: «Комментарий к "О небе"», «Комментарий к "Физике"», «Комментарий к "Категориям"». Вероятно, что эти три комментария Симпликия в их окончательной форме[22] были созданы между годами 535 и 545[23].

Комментарий к «Физике» Аристотеля являет собой не только вершину экзегетического искусства Симпликия, но и позволяет взглянуть на Симпликия как на оригинального мыслителя, раздвигающего привычные границы комментария и вне их творящего нечто философски самоценное. Естественно, Симпликий был тесно связан с предшествующей традицией экзегезы Аристотелевой «Физики». Непосредственные источники его толкования «Физики» таковы: утраченный комментарий Александра Афродисийского, без сомнения, являющийся основополагающим для Симпликия[24], комментарий Порфирия к «Физике», и парафразы

---

[19] Следуя за Дильсом (Addenda, vol. X, p. 1463) и Зондереггером (*Sonderegger E.* Simplikios: Über die Zeit. Ein Kommentar zum Corollarium de tempore. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1982. S. 167), принимаю этот вариант.

[20] И. Адо, опубликовавшая критическое издание греческого текста этого комментария, признает, опираясь на обстоятельный сравнительный анализ, «влияние мысли Дамаския на комментарий Симпликия к *Руководству* Эпиктета» (*Hadot I.* Introduction générale // Simplicius. Commentaire sur le *Manuel* d'Épictète. P. 111).

[21] *Hadot I.* Introduction générale // Simplicius. Commentaire sur le *Manuel* d'Épictète. P. 3–4. Согласно Адо, место написания данных комментариев — Харран, а это (в отличие от времени написания) вызывает серьезные нарекания.

[22] Завершающая редакция комментариев естественно предполагала подведение черты под осмыслением и систематизацией обширного материала, постепенный сбор которого растягивался на годы. При этом экзегет был волен включать в окончательный вариант комментария и более ранние подготовительные записи, если считал их уместными. Так, например, Симпликий ссылается на три экзегетических уточнения Аммония, почерпнутых им, по-видимому, еще во время прослушивания в Александрии Аммониева курса, посвященного «Физике» Аристотеля (In Phys., 183, 18–35; 192, 15–16; 193,1–7 Diels)

[23] Ср.: *Golitsis P.* Op.cit. P. 19.

[24] В «Комментарии к "Физике"» Симпликия содержится более шестисот цитат из этого произведения Александра. После издания М. Рашидом 826 византийских схолий можно составить представление о содержании комментария Александра Афродисийского к книгам Аристотелевой «Физики», в частности, к книге IV (см.: *Rashed M.* Alexandre d'Aphrodise, Commentaire perdu à la *Physique* d'Aristote (Livres IV–VIII): Les scholies byzantines. Édition, traduction et commentaire. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2011).

Фемистия, цитируемые Симпликием не менее 30 раз[25]. Однако число авторитетов, привлекаемых Симпликием, таких, как Аспасий, Боэт Сидонский, Адраст Афродисийский, Теофраст Эресский и т.д. не должно смущать читателя, поскольку они могли быть процитированы по трем упомянутым источникам. Оригинальность комментария Симпликия к «Физике» определяется наличием в нем многих «отступлений (*παρεκβάσεις*)», которые посвящены темам, не связанным непосредственно с сиюминутными задачами экзегезы. И разве не «отступления» (как гордо звучит это слово) «Королларий о месте» и «Королларий о времени» или не менее значимые экскурсы «О материи» (In Phys., 227,23–233,3 Diels) и «О природе» (In Phys., 282,31–289,35 Diels)? Интерпретируя физический текст, Симпликий предстает не только физиком, но и метафизиком. Так, в конце обширного отступления,где рассматривается парменидовское «сущее», и не только само по себе, но и через призму второй гипотезы платоновского «Парменида», Симпликий замечает: «Но об этом достаточно, чтобы мы кому-то не показались, согласно поговорке, «перепрыгивающими через ров (*ὑπὲρ τὰ ἐσκαμμένα πηδᾶν*)» (Cf. Plat.Crat. 413a9 Nicoll–Duke: *ὑπὲρ τὰ ἐσκαμμένα ἅλλεσθαι*), набросившись на высочайшие вопросы теологии в физическом трактате» (In Phys., 148, 22–24 Diels). Окончательной редакции комментария Симпликия к «Физике» предшествовали не только многолетнее плодотворное сотрудничество Симпликия с Дамаскием, глубоко вникнувшем в апоретику гипотез «Парменида» и спешившим поделиться своими находками с благодарным и высокоодаренным Симпликием, но и «переоценка ценностей», которая изменила отношение “un maître sans école”[26] к написанию комментария, переставшего служить учебным пособием и обратившегося в предназначенное преимущественно для будущих читателей и многоаспектное философское произведение. В частности, понимая, что проблема сотношения времени и «теперь» является не только физической, но и метафизической, Симпликий раскованно подходит к решению вопроса о том, какими надлежит быть способам решения этой проблемы.

Представим себе и мы, что наш современник, занимающийся историей философии, задается целью разобраться в рассуждениях Аристотеля о времени и «теперь». Естественно, он начинает штудировать 10–14 главы IV книги «Физики» в надежде найти путеводную нить, могущую вывести его из лабиринта аристотелевских вопросов и «ответов», посылок и заключений. Но надежда тает на глазах. Ведь Аристотель далеко не всегда объясняет смысл, в котором он использует тот или иной термин, например, «теперь»[27]. А современные интерпретаторы подчас

[25] Однако Блюменталь замечает, что из парафраз Фемистия в комментарии Симпликия цитируется только один текст о независимом существовании времени, демонстрирующий явное несогласие Фемистия с учением Аристотеля (In Phys. IV, 14. 765, 31–766, 19 Diels). См.: *Blumenthal H.J.* Themistius: the last Peripatetic commentator on Aristotle? // Aristotle Transformed: The Ancient Commentators and Their Influence. Ithaca; NY: Cornell University Press, 1990, P. 122.

[26] См.: *Golitsis P.* Op.cit. P. 18.

[27] Так, Ричард Сорабджи пишет: «Он [Аристотель] проводит не менее четырех сравнений между “теперь” и движущимся телом, но, что удивительно, ему ни разу не удается прояснить смысл, в котором “теперь” является движущимся» (*Sorabji R.* Time, Creation and the Continuum: Theories in Antiquity and the Early Middle Ages. London: Duckworth, 1983. P. 49).

склонны лишь усугублять неразбериху. В результате ожидать единодушия в трактовке термина «теперь» отнюдь не приходится[28].

Аристотель был многим обязан своим великим современникам и особенно Платону. В осмыслении проблем времени и «теперь» он, конечно же, был предсказуемо верен заветам «Тимея». Но если бы дело ограничилось только этим, Аристотель не был бы Аристотелем. Апоретика второй гипотезы платоновского «Парменида» неумолимо влекла к новым высотам: если катафатически понимаемое единое причастно времени, то последнее должно быть поднято на принципиально иной уровень анализа, задаваемого применением понятий «теперь», «прежде», «после», «вдруг»[29]. Приняв этот вызов, Аристотель в 10–14 главах IV книги «Физики», т.е. в рамках физического трактата, позволил себе не только воспользоваться терминологией, заимствованной из метафизического и (если называть вещи своими именами) просто-напросто теологического диалога Платона, но и вооружиться отточенными в «Парменида» апоретическими приемами рассмотрения обсуждавшейся проблематики. Разумеется, Аристотель не забыл и о собственных наработках, но отменять уникальную встречу «Тимея» и «Парменида» на излете IV книги «Физики» явно не входило в его планы.

Стоит хотя бы пунктирно обозначить, каким образом в последних главах IV книги «Физики» Аристотель затрагивает проблемы времени, «теперь» и их соотношения. Итак, по мнению Аристотеля, время «или совсем не существует, или существует едва-едва и неясным образом» (Phys. IV, 10, 217b32–33 Ross); «теперь» не есть часть времени, и «время, как кажется, не состоит из “теперь”» (218a8). «Нелегко узнать, пребывает ли всегда “теперь” одним и тем же, или оно то одно, то другое» (218a9–10). «Если бы “теперь” было не различным, а одним и тем же, времени бы не было» (Phys. IV, 11, 218b27–28 Ross). «В той степени, в какой “теперь” — граница, оно не есть время, а присуще ему привходящим образом, а в той степени, в какой оно счисляет, оно — число» (220a21–22). «Время есть число движения относительно “прежде” и “после”» (220a24–25). «“Теперь” — с одной стороны, деление времени в возможности, а с другой — граница обеих частей и их соединение» (Phys. IV, 13, 222a17–19 Ross). «Мы говорим “прежде” и “после” соответственно отстоянию от “теперь”, а “теперь” — граница прошедшего и будущего» (Phys. IV, 14, 223a5–6 Ross).

А что Симпликий? На уровне комментаторских клише, применявшихся им еще в Александрии к толкованию «физических» текстов, он прекрасно знал,

---

[28] «Аристотелевское “теперь”, — утверждает, например, С. Ватерлоу, — выдвигается на передний план только в контексте счисляемого и измеряемого времени. И это тот контекст (...), который определяет структуру “теперь” как и настоящего, и мгновенного» (*Waterlow S.* Aristotle's Now // The Philosophical Quarterly. Vol. 34, No. 135. 1984. P. 110). Напротив, М. Вагнер, выясняя, что́ именно «теперь» не обозначает для Аристотеля, заявляет: «в частности, оно не обозначает *настоящее*» (*Wagner M.F.* The Enigmatic Reality of Time: Aristotle, Plotinus, and Today. Leiden; Boston: Brill, 2008. P. 157).

[29] См., например: «Ведь как-то переходя из “прежде” в “после”, оно [единое] не перешагнет “теперь” (*οὐ γάρ που πορευόμενόν γε ἐκ τοῦ ποτὲ εἰς τὸ ἔπειτα ὑπερβήσεται τὸ νῦν*)» (Plat. Parm. 152b4–5).

что Платон определял время как «движущийся соответственно числу вечный образ вечности» (Tim.37d6–7 Burnet), а Аристотель — как «число движения относительно “прежде” и “после”» (Phys.IV, 11, 219b2 Ross). Симликий также отдавал себе отчет в том, что среди неоплатоников не было единодушия в их отношении к этим определениям. В трактате «О времени и вечности» (III 7) Плотин, отмечая вклад в осмысление проблемы времени «некоторых из древних и блаженных философов» (III 7, 1,13–14 H.-S.) и задаваясь целью выяснить, «какие из них наиболее преуспели» (III 7, 1, 14–15 H.-S.) в разыскании истины, ни на миг не сомневался, что больше всех преуспел Платон. Вместе с тем нелицеприятной критике аристотелевского определения времени Плотин посвятил целиком 9-ую главу трактата «О времени и вечности». Симпликий дал себе зарок не следовать по стопам Плотина, на которого он неоднократно ссылался в «Комментарии к “Физике”» и, в частности, в «Корольлярии о времени». На то были серьезные причины. Симпликий без устали старался сблизить философские доктрины Платона и Аристотеля. В комментарии к «Категориям» Симпликий заявлял о принципиальном согласии позиций Платона и Аристотеля «по большинству вопросов (*ἐν τοῖς πλείστοις*)» (*In Cat.* 7, 31 Kalbfleisch). В стремлении согласовать Аристотеля с Платоном (или Платона с Аристотелем) он шёл, по выражению Р. Сорабджи, «дальше, чем кто бы то ни было»[30]. Именно в «Комментарии к “Физике”» «конкордистским» отступлениям, призванным продемонстрировать исходное согласие Платона и Аристотеля, Симпликий отводил столь много места, как бы завещая будущим поколениям ученых не сходить с этой стези.

Детально разбирая в фундаментальном комментарии к аристотелевской «Физике» учение Стагирита о времени и «теперь», изложенное в 10–14 главах IV книги «Физики» и затрагивавшееся в 3 и 5 главах VI книги «Физики», Симпликий, разумеется, не мог оставить без внимания соотношение подходов Платона и Аристотеля к проблеме времени и «теперь». При этом Симпликий, бережно относившийся к комментаторской традиции, принимал в расчет мнение Александра Афродисийского, которого в «Корольлярии о времени» он без всякого лукавства называл «трудолюбивейшим из его [Аристотеля] толкователей» (Cor. de temp., 795, 34–35 Diels). По словам Симпликия, Александру показалось, будто аристотелевское определение времени исходит не из того же представления, на которое опирается определение Платона (In Phys. IV. 717, 21–23 Diels). Сравнивая формулировки Платона и Аристотеля, Симпликий давал понять, что суждение Александра Афродисийского не вполне оправдано. По мнению Симпликия, Аристотель «лучше всех уразумел представление Платона о времени» (717, 28–29). Этот тезис Симпликий обосновывал следующим образом. «Движущийся соответственно числу вечный образ» (Tim. 37d6–7) есть не что иное, как время, которое существует соответственно числу, созерцаемому сообразно порядку движения, а этот порядок задается отношением «прежде» и «после». Так что если платоновское словосочетание «соответственно числу» равнозначно словосочетанию «соответственно порядку», то оно не выражает ничего иного, кроме как «относительно

[30] *Sorabji R.* The Commentators // Simplicius. Corollaries on Place and Time. Translated by J.O.Urmson; annotated by L.Siorvanes, Ithaca; New York: Cornell University Press, 1992. P. 134.

“прежде” и “после”» (718, 4–5). Таким образом, Аристотель в собственном определении времени «дал более ясное толкование» (718, 2) того, что предполагалось в платоновском определении. Вряд ли есть смысл углубляться здесь в те нюансы, которые привносит Симпликий в обсуждение проблем аристотелевской интерпретации понятий «времени» и «теперь», поскольку публикуемая ниже подборка переведенных на русский язык фрагментов из комментария Симпликия к нескольким главам IV и VI книг «Физики» Аристотеля призвана расширить хотя бы в одном избранном аспекте наше знание о том, что представляет собой Симпликий как комментатор Стагирита, старавшийся, в частности, показать его согласие с Платоном.

Однако не стоит торопиться с выводом о том, что в данном случае, как и в ряде других, Симпликий своими экзегетическими штудиями был склонен решать апологетические задачи и лишний раз подчеркнуть отменную проницательность Аристотеля. Нет веских оснований видеть в Симпликии лишь многоопытного комментатора, для которого важны глубинная согласованность непререкаемых авторитетов, объективность и систематичность, и не замечать в нем философа, для которого нет ничего дороже истины. Ведь, согласно Симпликию, пытливость человеческого ума должна не ограничиваться доскональным выяснением вопроса о том, что такое время и «теперь» по мнению Платона или Аристотеля, а простираться до всестороннего исследования вопроса о том, что такое время и «теперь». Необходимость взыскательно рассмотреть наиболее достойные внимания «представления тех, кто философствовал о времени» (Cor. de temp., 773, 15–16) (до Дамаския включительно), побудила Симпликия к написанию во многом уникального «Короллария о времени», радикально раздвигавшего рамки традиционного комментария к определенной книге (а именно: IV книге «Физики») Аристотеля.

Перевод фрагментов из комментария Симпликия к «Физике» Аристотеля (книги IV и VI) выполнен по изданию: Simplicii In Aristotelis Physicorum libros commentaria. Edidit H. Diels // Commentaria in Aristotelem Graeca. Vol. IX–X. Berolini: Typis et Impensis Georgii Reimeri, 1882–1885. Вследствие фрагментарности перевода текст лемм не приводится.

Симпликий

КОММЕНТАРИЙ К «ФИЗИКЕ» АРИСТОТЕЛЯ
(подборка фрагментов)

IV 10, 218a8-21

Ранее он [Аристотель], приняв «теперь» за существующее, показал, что оно не есть часть времени. Ныне же посредством этого третьего умозаключения он пытается показать, что «теперь», которое кажется существующим и разделяющим прошедшее и будущее, и не есть нечто. Ведь необходимо, чтобы, если «теперь» существует, оно было или то же самое, или то одно, то другое, что тождественно не тому же самому. Стало быть, если оно ни то же самое, ни то одно, то другое, ясно, что оно и не существует (697,35 – 698,4).

IV 10, 218a21-31

Показав, что для «теперь» невозможно быть то одним, то другим, он вслед за этим посредством двух умозаключений показывает, что для «теперь» невозможно всегда пребывать численно тем же самым. Из этих умозаключений первое таково: если ничто непрерывное и ограниченное не имеет одной только границы, будь оно непрерывным только в одном измерении, как линия, или в двух, как плоскость, или в трех, как тело (но линия ограничена двумя точками, поверхность же — столькими линиями, сколько объемлет ее, а тело — столькими поверхностями, сколько объемлет его), то ясно, что «теперь», будучи границей ограниченного времени, не могло бы быть одним и тем же, но одно — первое, а другое – второе. Ибо, какое бы ограниченное время мы ни взяли, пусть даже наименьшее, оно имеет одно «теперь» в начале, а другое — в конце; ведь с обеих сторон оно ограничено «теперь». Так что «теперь» не пребывает всегда одним и тем же. Ограниченное же время следует взять непрерывным наподобие прямой линии, каково есть и время. Ибо все таковое не имеет одной только границы. Ведь у шара и круга, по-видимому, есть одна только граница; ибо они объемлются соответственно одной только поверхностью и одной только линией.

Вторым же способом он показывает, что то же самое «теперь» не пребывает таким всегда. Ведь если есть всегда то же самое «теперь», все будет в том же самом «теперь» и ни раньше, ни позже. Существующее же таким образом существует одновременно, и происшедшее таким образом произошло одновременно, и стариннейшее и древнейшее будет одновременным с только что происшедшим и существующим; ибо и то и другое – в том же самом «теперь». Что могло бы быть нелепее этого: быть или произойти теперь во время Потопа? Происшедшее задолго до того и происшедшее только что будут одинакового возраста, если все то, что в том же самом «теперь», одинакового возраста. Он вполне уверенно сказал,

что те, кои «прежде», и те, кои «после», суть происходящие в вот этом «теперь». Ведь им свойственно произойти в «теперь», а не существовать, ибо существование — во времени. Стало быть, раз для «теперь», если оно существует, необходимо быть или тем же самым, или то одним, то другим, но оно ни то же самое, ни то одно, то другое, ясно, что «теперь» нет среди сущих. Приходя к этому заключению, он добавляет, что рассуждение о свойствах, присущих времени, исходя из которых ясно показано, что оно не существует, завершено. Вообще же, раз необходимо, чтобы, если время существует, оно было непрерывным, а «теперь» не соединяется ни с прошедшим, ни с будущим вследствие того, что ни одно из них не существует в реальности, очевидно, что оно не могло бы быть и непрерывным (699, 11 – 700, 8).

IV 11, 219a14-b9

Но поскольку Александру показалось, будто определение времени, данное Аристотелем, исходит не из того же представления, что сказанное о времени Платоном, давай сравним и эти формулировки. Ведь Аристотель сказал, что время — число движения относительно «прежде» и «после», Платон же говорит, что время — «движущийся соответственно числу вечный образ» (Tim.37d6–7) вечности, пребывающей в едином, «в едином» противопоставив «соответственно числу» и пребывающему противопоставив движущееся, а образцу — образ. И заметь, что Аристотель лучше всех вполне уразумел представление Платона о времени. Ведь что иное есть «движущийся соответственно числу вечный образ», как не время, которое стало существовать соответственно числу, ни образцовому, ни отвлеченному, а являющемуся образом и созерцаемому соответственно порядку движения, т.е. относительно «прежде» и «после»? Ведь собственное число движущегося как движущегося, будучи то одним, то другим, и вводит «прежде» и «после», и определяет их соответственно порядку. И вот вполне узрев это и давая более ясное объяснение, Аристотель сказал, что время — число движения относительно «прежде» и «после». Так что если словосочетание «соответственно числу» выражает «соответственно порядку», как предположил Александр, то оно не выражает ничего иного, кроме как «относительно «прежде» и «после»». Ведь это есть число порядковое точно так же, как одно, два, три – отвлеченное. Но заметь, как хорошо Аристотель уразумел и то, что такое вечность согласно представлению Платона. Ведь в то время как тот [Платон] говорит, что само живое существо вследствие вечности хранит всегдашнее, так и этот [Аристотель] говорит, что «вечность» получила наименование от того, что она всегда есть (De caelo I,9,279a27), хорошо разъяснив, что она и хранит, и объемлет целокупное время, поскольку пребывает в едином, и что от нее бытие и жизнь озаряют всё. Первое же причастное жизни есть первое живое существо (717,21 – 718,12).

IV 11, 219b10-33

С достаточным основанием и различие, и тождественность времени берутся сообразно различию и тождественности «теперь». И будет тем же самым время, определяемое «теперь», каковые берутся как не имеющие различия, даже если они суть в различных движениях, как, например, тем же самым является нынешний день, в который одно растет, другое делается белым, третье прогуливается,

поскольку он содержит те же самые «теперь» и в начале, и в конце. Но если бы «теперь» брались как различающиеся вследствие того, что одни из них суть предшествующие, а другие — последующие, то и время было бы различным. Стало быть, одновременно существующее время, определяемое теми же самыми и неразличимыми «теперь», не было бы различным (722, 2–10).

IV 11, 219b10-33

И Евдем утверждает то же самое о «теперь» в третьей книге «Физики» и пишет так: «Если бы мы помыслили движущуюся точку, становящуюся то одной, то другой вследствие того, что она оказывается то в одном, то в другом месте линии, мы могли бы подумать, что и с "теперь" дело обстоит так же. Субстрат, как бы ни надлежало помыслить его, пребывает тем же самым, но, оказываясь то в одном, то в другом времени, он будет то одним, то другим. Так что по субстрату, чем бы он ни был, "теперь" – то же самое, но вследствие того, что оно оказывается то в одном, то в другом времени, оно — различное. Поскольку "теперь" оказывается "прежде" и "после", постольку оно — различное и постольку время — число. Так что когда "теперь" суть те же самые, и число, и время будут теми же самыми. Когда же "теперь" — различные, и остальные — различные» (723, 36 – 724, 8).

IV 11, 219b10-33

Если нам не быть мелочными по отношению к этой аналогии, то, я думаю, лучше говорить, что «тождество по субстрату» обозначает то же, что «тождество по виду» (725, 17–19).

IV 12, 220a32-b5

Одно из положений, ранее высказанных о времени, заключалось в том, что настоящее и созерцаемое в «теперь» есть повсюду одновременно то же самое, а «прежде» и «после» суть не то же самое. То, что и это так же, как и сказанное вслед за этим, согласуется с принятым представлением о времени, он показывает, исходя из того, что и движение, в котором для времени — бытие, обладает этими свойствами. Ведь наличное и теперешнее движение — то же самое (ибо ему не свойственно различие по отношению к самому себе, но оно есть одно сообразно общему виду протяженности своего бытия), однако прошлое и будущее движения различны между собой. Стало быть, как одно движение обладает тождеством и различием, так ими обладает и всякое время, одновременно измеряющее все движения (731, 7–16).

IV 12, 221a9-18

И заметь, как Аристотель уразумел общность времени с местом и числом прежде тех, которые выявили ее впоследствии (738, 27–29).

IV 12, 221a9-18

Показав, что сущие, собственно называемые находящимися во времени, так называются как объемлемые временем, подобно тому как и находящиеся в числе так называются как объемлемые числом, он [Аристотель] сообщает неко-

торый признак сущих, находящихся так во времени, и одновременно причину того, что о них так говорится. Ведь что касается собственно сущих во времени, всегда можно найти время более продолжительное, чем их бытие. Ведь так они будут объемлемыми временем и собственно называемыми находящимися во времени, как, например, в месте и в числе. «Вот почему, — говорит Александр, — всегдашние сущие не находятся во времени; ибо время не объемлет их бытие». Если он называет «всегдашним» вечное, как назвал и Платон в «Тимее», сказав об образце: «природе живого существа выпало быть всегдашней» (Tim.37d1), то он был бы прав; ибо вечное не находится во времени и не объемлется временем. Если же он называет «всегдашним» существующее в течение целокупного времени, тогда не является истинным то, что оно не находится во времени, если так предполагается только то, что оно во времени обладает бытием; таковое же — в становлении обладающее бытием и не существующее все вместе, как вечное. Да и сам Александр подтверждает это, когда пишет дословно следующее: «Движение, будучи всегдашним, находится во времени, потому что оно не существует как сущность и не пребывает тем же самым по числу, но в становлении обладает бытием. Стало быть, всегда становясь то одним, то другим, оно есть находящееся так во времени» (739, 8–25).

IV 13, 222a24-b7

Спросив касательно времени, есть ли как неиссякаемое оно то же самое или различное, он считает и теперь, что, подобно движению, то же самое время приходит снова и снова, по числу будучи то одним, то другим, по виду же — тем же самым; ведь так же обстоит дело и с движением. А то, что время и всегда то одно, то другое, и не иссякнет, он ясно показывает посредством «теперь». Ведь поскольку то же самое настоящее «теперь» как настоящее (а не как просто граница) есть одновременно начало и конец времени, начало будущего и конец прошедшего, и эти-то суть в том же самом «теперь», как выпуклость и вогнутость в круге, то ясно, что оно есть конец одного и начало другого; ибо так оно и разделяет время. И невозможно, чтобы то же самое «теперь» было одновременно и началом, и концом того же самого. Иначе противолежащие друг другу, которые он более общо назвал противоположными, были бы тем же самым. Начало же и конец могли бы быть некоторым образом и противоположными, и они противолежат друг другу не только как соотнесенные, и время есть то, что содержит противоположности. Ведь если то, концом чего является «теперь», есть прошедшее, а то, началом чего оно является, — будущее, то, раз то же самое «теперь» бралось бы как конец и начало, прошедшее и будущее были бы одновременно тем же самым временем, что во времени являет собой противоположность. Однако если «теперь» – не конец и начало того же самого, а конец прошедшего и начало будущего, то будущее необходимо будет отличным от прошедшего. По этой самой причине время никогда не иссякнет, поскольку подобно тому как настоящее «теперь» есть конец, так оно есть и начало, конец прошедшего и начало будущего. Стало быть, и будущее всегда будет. Ведь если оно начало, должно быть и то, началом чего оно является и что не иссякнет. А то, что ничто не препятствует тому, чтобы то же самое было концом и началом, и вообще противоположностями,

если оно берется то в одном, то в другом отношении, он показал в случае окружности круга, у которой то же самое одновременно является и всецело вогнутым, и всецело выпуклым, если оно взято то в одном, то в другом отношении (причем невозможно, чтобы вокруг круга была одна из таких линий, а другой не было). Таким образом, опять-таки, «теперь», берущееся в собственном смысле, есть одновременно и конец, и начало сообразно его отношению к различным временам. Ведь настоящее время, поскольку оно настоящее, есть срединное между прошедшим и будущим (751, 3–32).

VI 3, 233b33-234a7

Поскольку «теперь» двояко и выступает, с одной стороны, как начало и конец времени, и то, что соответствует точке на линии, а с другой — как называемое в связи с настоящим временем, которое противопоставляется прошедшему и будущему, он [Аристотель] говорит, что одно как начало и конец, каковое есть и неделимое, называется «теперь» «самим по себе и первично», другое же называется так не само по себе и не первично, а поскольку содержит в самом себе то, которое первично и само по себе (955, 3–9).

VI 3, 233b33-234a7

Стало быть, точно определив таким образом «теперь», о котором .рассуждение, он показывает, что одним и тем же является край прошедшего и будущего, назвав краем и начало будущего, потому что и начало есть некая граница и не имеющее частей (956, 3–6).

VI 5, 235b32-236a7

Показав, что изменившемуся, как только оно впервые изменилось, необходимо быть в том, во что оно изменилось, он теперь показывает, что то, «в чем первом изменилось изменившееся», есть не время, а некая неделимая граница времени, которую мы называем «теперь» и которую Платон назвал «вдруг» (Parm. 156d2–3) (982, 3–6).

VI 5, 235b32-236a7

«Посредством этого, — говорит Александр, — он указал нам и решение задаваемого софистами вопроса о том, в какое время умер Дион: ведь это было, или когда он был жив, или когда он был мертв; но ни в то время, в которое он был жив (ибо в то время он был жив), ни в то, в которое он был мертв (ибо во все это время он был мертв); стало быть, если Дион умер ни в то время, в которое он был жив, ни в то, в которое он был мертв, то Дион не умер. Но слово “умер” обозначает первое изменение прочь от жизни, слова же “когда он был мертв” обозначают время, в которое он мертв; если же изменившееся изменилось не во времени, то не следует пугаться заключения “Дион никогда не умер”; ибо он никогда не умер так, чтобы умереть во времени, если в неделимом он претерпел изменение прочь от жизни» (983, 25 – 984, 2).